

И вотъ я за ужинъ усердно присѣлъ.
Старушка счастливой казалась;
Но съ тонкими, нѣжно глядя мнѣ въ глаза,
Вопросами все подбиралась.

„Дружочекъ! хозяйка-ли женка твоя?
Радить-ли о миломъ сыночкѣ
Моемъ на чужбинѣ? и чинить сама-ль
Рубашки ему и чулочки?“

— Пришлася по вкусу мнѣ рыбка, мама,
Но рыбой легко подавиться;
Такъ будетъ умнѣе теперь помолчать,
За рыбой болтать не годится.

Но рыбу доѣлъ я; явился тутъ гусь —
И мать разсказать ей просила
О томъ и о семъ; а сама между тѣмъ
Все тонкій допросецъ творила.

„Дружочекъ! скажи мнѣ, тебѣ-бы теперь
Съ кѣмъ было-бы жить веселѣе?
Французы и нѣмцы, кого ты изъ двухъ
Народовъ находишь милѣе?“